

ДИСКУССИИ В США ОБ ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО, ПРОГНОЗЫ НА БУДУЩЕЕ

© 2016 г. **П.Т. Подлесный***

Статья поступила в редакцию 09.03.2016.

В статье анализируются современные подходы в США к проблемам отношений с Российской Федерацией, выявляются цели концепции «неосдерживания России», а также рассматривается возможное воздействие проходящих дискуссий, в том числе и в ходе президентской избирательной кампании 2016 г., на политику Вашингтона в отношении Москвы в предстоящие годы.

Ключевые слова: *США, Россия, концепции, «новое сдерживание», «холодная война», российско-американские отношения, ядерный конфликт, политика, борьба.*

Оценка характера и масштабов вызова «путинской России»

Прежде всего, необходимо выделить основные причины дискуссий, проходящих в американских политических и научных кругах вокруг проблем выстраивания отношений с современной Россией.

Важнейшая из них – разразившийся в ноябре 2013 г. политический кризис на Украине. И хотя к его началу отношения между двумя странами, по словам тогдашнего госсекретаря США Х. Клинтон, уже «зашли в тупик», он стал той последней каплей, которая привела к возникновению в них самого масштабного, и притом весьма опасного и длительного кризиса после завершения «холодной войны». Возвращение Крыма в состав Российской Федерации, поддержка ею законных требований жителей Донбасса о получении особого статуса, намерение защищать соотечественников за рубежом были расценены американским истеблишментом как вызов Западу со стороны России, или «путинский вызов». Суть этого вызова и его последствий для интересов США, Запада в целом, и особенно на европейском континенте, наиболее выпукло охарактеризована в статьях и мемуарах таких американских политиков и экспертов, как С. Сестанович, Р. Гейтс, М. Макфол, Х. Клинтон, которые, как известно, были самым непосредственным образом причастны к разработке и реализации внешнеполитического курса США в отношении России при президентах Б. Клинтоне, Дж. Буше-мл., Б. Обаме.

Их оценки можно свести к следующим основным моментам. *Во-первых*, президент В. Путин стремится восстановить глобальную мощь и влияние России и вернуть ныне независимые республики бывшего СССР в орбиту Москвы.

* **ПОДЛЕСНЫЙ Павел Терентьевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (podlpavel@yandex.ru).

Хотя очевидно, что речь не идёт о возрождении Советского Союза, однако президент намерен создать российскую сферу влияния и доминирования – политического, экономического, военно-политического. *Во-вторых*, Украина занимает центральное место в замыслах Путина с целью создать пророссийский блок – отчасти в силу размеров и значения Украины, но также в силу важной исторической роли Киева в качестве «первоисточника» Российской империи на протяжении более чем тысячелетия. *В-третьих*, Путин придерживается отличных от западных лидеров взглядов на формирование нового миропорядка. Его цель состоит в сохранении и наращивании мощи России. «Никто, – подчёркивает в этой связи Р. Гейтс, – не стремится к новой холодной войне, и меньше всего – к военной конфронтации. Мы хотим видеть в России партнёра, но очевидно, что этого не случится, пока Путин находится у власти. Он бросил перчатку в игре, которая не остановится на Крыме или даже на Украине. Его действия ставят под вопрос весь порядок, установившийся после холодной войны, включая, прежде всего, право независимых государств самим выбирать союзы и устанавливая отношения с теми странами, с которыми они сочтут необходимым... Единственным путём для Запада противостоять устремлениям Путина по периферии России – вести аналогичную стратегическую игру» [6, р. 2]. Вместе с тем, несмотря на бодрый тон, Р. Гейтс, а также другие американские политики и эксперты всё же озабочены тем, что «путинский вызов» приходится на «самое неподходящее» для Запада время. Европа переживает серьёзные кризисные процессы и всё ещё имеет тесные торговые связи с Россией, особенно в энергетической сфере. США оправляются «после дюжины лет войны», и лидеры обеих партий сталкиваются с растущими изоляционистскими настроениями избирателей. Крым и Украина находятся весьма далеко, и их значимость для Европы и Америки плохо осознаётся общественностью. *В-четвёртых*, американские эксперты считают, что в целях обеспечения легитимности внутри страны Путин нуждается в «постоянном конфликте с внешними врагами», не в полномасштабной войне, не в прямом столкновении с США или НАТО, но в конфликте низкого уровня, постоянной напряжённости, которая поддерживала бы мнение, что Россия находится в осаде со стороны Запада, в состоянии войны с США.

Новую струю в дискуссии касательно отношений с Россией, взаимодействия с ней в борьбе с международным терроризмом, и прежде всего с так называемым «Исламским государством» (ИГИЛ), внёс сирийский кризис, а также военная акция России, предпринятая в сентябре 2015 г. в ответ на просьбу легитимного президента Сирии Б. Асада. «На первый взгляд, – пишет в своей статье “Поиск выхода из коллапса на Ближнем Востоке” Г. Киссинджер, – вмешательство России отвечает устремлениям Ирана сохранить шиитскую часть населения в Сирии. В более же широком контексте... эта акция представляет собой манёвр в стиле классической политики баланса сил в целях отведения от юго-восточных окраин России суннитской террористической угрозы. Это – геополитический, а не идеологический вызов, и реагировать на него следует именно под таким углом зрения. Но каковы бы ни были мотивы России, присутствие её вооружённых сил в регионе и их участие в боевых операциях являют собой вызов, с которым ближневосточная политика США не сталкивалась на протяжении, по крайней мере, четырёх десятилетий» [8, р. 2].

Истекший год с небольшим явно продемонстрировал сугубо отрицательные последствия украинского кризиса. Принятие США, а под их давлением и Ев-

ропейским Союзом, масштабных санкций против России, попытки изолировать её, чтобы она заплатила высокую цену за свою политику на Украине, привели к уровню напряжённости и враждебности в российско-американских отношениях и масштабов недоверия в них, невиданных с начала 1990-х годов. Не заметно оснований и для прорывных моментов в этих отношениях в предстоящие годы. Однако вмешательство США и России в Сирии может либо создать предпосылки для сотрудничества между ними, либо стать прелюдией к большому конфликту в отношениях. Именно таким образом оценили роль сирийского конфликта члены рабочей группы по будущему российско-американских отношений, состоящей из экспертов Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса при Гарвардском университете и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». По их мнению, Москва стремится нанести поражение исламистам и экстремистам, действия которых могут достичь границ Российского государства или его союзников, она не проводит различий между ИГИЛ и другими антиасадовскими террористическими группами. Вашингтон же придерживается мнения, что некоторые группы являются умеренными и, следовательно, заслуживают поддержки. Россия давно высказывает убеждение, что помощь Асаду – единственное средство предотвратить дальнейшую радикализацию Ближневосточного региона. США и их союзники в Европе полагают, что можно одновременно бороться и с ИГИЛ, и с Асадом. Негативное отношение России к смене режимов, её разочарование тем, как складывается ситуация в Ливии после убийства М. Каддафи, явно контрастирует с американским энтузиазмом касательно арабской весны и явно очевидной в настоящее время несостоятельности мечты о распространении демократии в ближневосточных государствах. Однако, как бы то ни было, Россия и США полагают, что спасение Сирии – ключ к будущему развитию событий на Ближнем Востоке. У США и России в настоящее время больше общего во взглядах на сирийский вопрос, чем было раньше. Группой выработан ряд практических выводов, нацеленных на определённую координацию сирийских стратегий обеих стран с целью достижения разумного разрешения ситуации в Сирии и улучшения двусторонних отношений.

В докладе подчёркивается, что при наихудшем сценарии, когда террористические атаки с территории Сирии будут осуществляться в странах Ближнего Востока, Европы и даже в России, влиятельные внешние державы, особенно США, Франция и Российская Федерация, могут прийти к выводу, что крупномасштабная международная операция станет единственным решением [см. подробнее: 7]. К этому их могут подтолкнуть теракты в Брюсселе, Исламабаде и других местах весной 2016 года.

Как известно, в утверждённой в феврале 2015 г. Стратегии национальной безопасности США Россия названа, наряду с ИГИЛ и лихорадкой Эбола, «угрозой» Соединённым Штатам. Однако на слушаниях 8 октября 2015 г. в сенатском Комитете по делам вооружённых сил «Российская стратегия и военные операции» некоторые из их участников представили Россию уже как угрозу самому существованию США. «Россия, – подчёркивал Х. Конли, старший вице-президент по проблемам Европы, Евразии и Арктики в Центре стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, – вернулась в геополитику в качестве дестабилизирующего игрока. После периода сравнительного мира и стабильности в Европе на протяжении истекших 25 лет – за исключением жестоких конфликтов в Боснии и Косово в 1990-х

годах – трансатлантическое сообщество полагало, что за этот период утвердились новые, постмодернистские нормы. Мне представляется, что мы начинаем понимать: эти 25 лет после холодной войны являли собой исключительный период безопасности, которой ушёл в историю. Мы вернулись к политике баланса сил, при которой Россия всё чаще использует военную силу для достижения политических целей» [4, р. 2].

Правда, далеко не все согласились с такой оценкой политики России. Упомянувшийся выше С. Сестанович подчеркнул, что когда русские слышат заявления о том, что они угрожают самому существованию Америки, то «их националистическая истерия возрастает». Но дезориентация русских – только часть проблемы. Америка вводит в заблуждение саму себя. Понятие «угроза существованию» имеет смысл только в силу того, что Россия, как и США, обладает большим арсеналом ядерного оружия. Это действительно является потенциальной угрозой, но она существует даже тогда, когда двусторонние отношения хорошие [13, р. 1-2].

Наконец, дебаты по вопросам внешней политики, национальной безопасности, отношений с Россией в значительной мере подпитываются и нынешней президентской избирательной кампанией в США. Двусторонние отношения занимают видное место в ней, что случается не часто, так как обычно в центре выборов в США находятся внутривнутриполитические проблемы. Важно также подчеркнуть, что в настоящее время обсуждается практически вся совокупность проблем отношений с Россией: их характер; осмысление прошлого, т.е. выявление причин, в силу которых оказалось невозможным выстроить полномасштабное сотрудничество двух стран на протяжении последних десятилетий; вероятные альтернативы отношений с упором на выявление как дестабилизирующих факторов, так и факторов, которые будут сдерживать сползание к дальнейшей конфронтации.

Осмысление прошлого и прогнозы на будущее

Следует сказать, что в течение истекших полутора лет в американском истеблишменте сложился достаточно устойчивый консенсус относительно проведения и ныне, и в дальнейшем жёсткой линии касательно России. Такую позицию стали занимать даже те деятели, которые признавали необходимым для США иметь нормальные и даже партнёрские отношения с РФ, но сейчас обвиняют её, а точнее – президента В. Путина, во всех сложностях, возникших в российско-американских отношениях. Об этом свидетельствует содержание доклада «Сохранение независимости Украины. Соппротивление российской агрессии. Что нужно сделать Соединённым Штатам и НАТО». В докладе, подготовленном группой экспертов Атлантического совета, Брукингского института и Чикагского совета по глобальным проблемам (С. Пайфер, И. Даалдер, С. Тэлботт и др.) в очередной раз утверждается, что «агрессия Путина на Украине и его самопровозглашённое право защищать этнических русских и русскоговорящих, где бы они ни находились», представляют самую серьёзную угрозу безопасности странам атлантического сообщества и Евразии со времён окончания «холодной войны». Также предлагается оказывать военную помощь Украине, в том числе оборонительным летальным оружием (по 1 млрд. долл. в 2015–2017 гг.) [5, р. 4-6].

Тех, кто занимает более или менее сбалансированную позицию, буквально единицы, да и то, как правило, это отставные, хотя и весьма авторитетные, политические деятели и эксперты. У. Перри, занимавший пост министра обороны США в первой половине 1990-х годов, в своей статье, посвящённой ядерной войне и ядерному терроризму, оценил отношения России и США как «столь же плохие, как и в тёмные дни холодной войны». Он ставит вопрос, как же обе страны докатились до жизни такой и сам на него даёт следующий ответ. В 1990-е годы произошёл распад СССР; США стремились подключить Россию к западным институтам; совместными усилиями было ликвидировано 8000 ядерных вооружений; стороны договорились о гарантиях границ Украины и её безъядерном статусе; Россию приглашали на заседания при проведении натовских встреч, и она участвовала в миротворческих операциях под эгидой НАТО. И самое главное, российская бригада входила в состав американской в ходе миротворческой операции в Боснии в 1995–1996 годах.

Сегодня ситуация, отмечает он, совсем другая: Россия нарушила соглашение по Украине; она отказалась от прежней позиции о «неиспользовании первой ядерного оружия» в пользу агрессивной политики, подразумевающей, что если России угрожают, то она может пойти на применение такого оружия. РФ вступила на путь наращивания арсенала ядерного оружия, включающего полный набор нового поколения носителей (межконтинентальные баллистические ракеты, крылатые ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках, ядерные подводные лодки).

У. Перри считает, что крайне важно, каким образом выйти из этой угрожающей ситуации. Конечно, полагает он, часть вины лежит на Путине, стремящемся консолидировать и сохранить свои властные позиции. Однако часть вины, безусловно, лежит на Соединённых Штатах. В 1990-е годы они пошли на поспешное расширение НАТО, когда Россия всё ещё рассматривала альянс как потенциальную угрозу; затем угрожали приёмом в НАТО Украины и Грузии, разместили элементы ПРО в Европе, что рассматривалось Россией в качестве угрозы своим силам сдерживания; содействовали цветным революциям в соседних с Россией странах. И, самое важное, отмечает У. Перри, Путин верит в то, что США активно стремятся стимулировать аналогичную революцию в России в целях свержения его режима. Именно в ответ на эти угрозы Путин и начал вести «свою агрессивную игру» [17, р. 3–4]. Напомним, что Перри ещё в первой половине 1990-х годов выступал за то, чтобы отложить расширение НАТО на 10–15 лет в целях предотвратить отчуждение России от Запада.

Профессор политологии Чикагского университета Дж. Миршаймер пошёл дальше в критике политики Вашингтона на российском направлении в статье «Почему Запад виновен в украинском кризисе»: «США и их европейские союзники несут бóльшую часть ответственности за кризис на Украине. Главная причина трудностей – расширение НАТО, являющееся центральным элементом стратегии, имеющей целью вывести Украину из российской орбиты и интегрировать её в Запад... Ещё с 1990-х годов российские лидеры энергично выступали против расширения НАТО и в последующие годы ясно давали понять, что не будут сидеть сложа руки, когда их стратегический сосед превращается в бастион Запада. Для Путина незаконное свержение демократически избранного и пророссийского президента, которое он обоснованно назвал “переворотом”, стало последней каплей. Он отреагировал взятием Крыма, опасаясь, что на полуострове возникнут натовские морские базы» [11, р. 1]. Мир-

шаймер видит решение украинского кризиса в отказе США и их союзников от «идеи вестернизировать Украину». Им следует добиваться её превращения в некий нейтральный буфер между НАТО и Россией, как это было со статусом Австрии в годы «холодной войны». Западным лидерам необходимо наконец осознать, что Украина для Путина имеет большое значение и им не следует поддерживать там антироссийский режим.

Статья Дж. Миршаймера вызвала весьма критическую реакцию со стороны С. Сестановича и М. Макфола, активно участвовавших в разработке политики США на российском направлении в годы президентства Б. Клинтона и Б. Обамы соответственно. Полемика между ними заслуживает хотя бы краткого рассмотрения для понимания подлинных причин нынешней конфронтации между Россией и США и выявления перспектив её дальнейшего нарастания, а возможно, и некоторого торможения напряжённости.

Что касается Сестановича, то его позиция однозначна: после некоторых колебаний США и Запад приняли решение о приёме в состав НАТО стран Восточной Европы, отдавая себе отчёт в том, что это повлечёт за собой серьёзное охлаждение отношений с Россией. И мотивы США, по его более чем откровенному признанию, лежат на поверхности: Америка сочла необходимым не только сохранить, но и расширить военно-политический блок НАТО как наиболее надёжную и проверенную временем гарантию сохранения и упрочения своих позиций в Европе. При этом законные интересы безопасности вполне осознанно игнорировались. Для него альтернативный вариант создания новой системы безопасности в Европе после «холодной войны» путём, скажем, вступления России в НАТО выглядит почти как фантастический роман. И дело не только в том, что Россия – слишком большая страна для членства в НАТО; трудно себе представить, чтобы страны – члены альянса были готовы защищать российскую границу с Китаем. «В 1990-е годы, – подчёркивает Сестанович, – многие связывали большие надежды с Россией. Но несмотря на это, не имело смысла так просто взять важный, хорошо отлаженный институт и превратить его в нечто, что оказалось бы неработоспособным» [12]. США предпочли другие пути взаимодействия с Россией – приём в «семёрку», в АТЭС, предоставление кредитов по линии МВФ и др., надеясь тем самым избежать самых крупных конфликтов и трений с Россией, свести к минимуму количество её претензий к Западу. Сказалось и то, что США, особенно в начале XXI столетия, понизили приоритетность отношений с Россией в своей внешней политике по сравнению с первым десятилетием после «холодной войны». Другие крупные проблемы, начиная с Ближнего Востока и завершая Восточной Азией, отвлекали внимание Вашингтона, снижали его заинтересованность в решении проблем российско-американских отношений.

Но основная мысль Сестановича состоит в том, что провал попыток наладить сотрудничество с Россией на базе общности ряда важных интересов обусловлен главным образом не динамикой отношений США – Россия, а именно внутренней динамикой российской политики и личными взглядами В. Путина. На протяжении истекших полутора лет, в ключевые моменты развития украинского кризиса, действия Путина определялись, прежде всего, стремлением сохранить свои позиции внутри страны. Сестанович подчёркивает, что падение Януковича явилось для Путина «гигантской политической неудачей и личным унижением», поэтому его обвинения в адрес Запада за свои собственные провалы стали средством смягчения нанесённого удара. Присоединение Крыма дало

Путину шанс превратить почти катастрофу, по крайней мере, во временный успех.

В целом Сестанович убеждён, что создание подлинной системы коллективной безопасности в Европе невозможно без России и вопреки интересам её безопасности. В настоящее время существуют новые линии раскола на европейском континенте, в том числе и внутри Украины. Европейские союзники ничего не выиграли, пойдя под огромным давлением Вашингтона на принятие санкций против Москвы. Да и сам Сестанович, хотя и мимоходом, вынужден признать, что цена избранного курса для Запада оказалась выше, чем ожидалось.

Это признаёт и немалое число западных экспертов. «Расширение НАТО, – высказывает более чем убедительное суждение профессор Королевского института международных отношений Р. Саква, – как раз и не давало России возможности получить опыт трансформации, который могло бы предложить ей реформированное атлантическое сообщество. Фундаментальная же проблема состояла в том, что Россия не проиграла войну и считала себя полноправной великой державой, что качественно отличало её от послевоенной Германии. Оказавшись в Североатлантическом блоке, она и там стремилась бы к лидерству, что в планы других государств не входило. Безусловно, США не были готовы делиться своим гегемонистским положением. Идея о том, что расширение НАТО положит конец разделению Европы, никак не стыковалась с тем фактом, что крупнейшая европейская страна оставалась за бортом, и её недовольство только нарастало. Таким образом, создание новых разделительных линий в Европе вело к снижению общего уровня безопасности» [2, с. 186].

Ещё в большей мере одержимость «путинским фактором» присуща М. Макфолу. Напомним, что он в течение пяти лет занимал сначала пост специального советника президента США и старшего директора по России и Евразии в Совете национальной безопасности (2009–2012 гг.), а затем – посла Соединённых Штатов в Москве (2012–2014 гг.). И в Америке, и в странах Европы, да и в России, он рассматривается в качестве главного архитектора политики «перезагрузки» в отношениях с Россией. Свои мысли он изложил в статьях «Кто потерял Россию (на этот раз)? Владимир Путин» и «Противостояние путинской России». М. Макфол признаёт, что некоторые внешнеполитические шаги Вашингтона порождали напряжённость в российско-американских отношениях. Ни «демократ» Б. Ельцин, ни «автократ» В. Путин не заняли бы «позицию безразличия» в отношении расширения НАТО. Бомбардировки Югославии в 1999 г., вторжение США в Ирак в марте 2003 г. уже тогда подорвали возможности подлинно партнёрских отношений между Россией и США. Односторонний выход Соединённых Штатов из Договора по ПРО 1972 г., как единодушно сочли в Кремле, угрожал интересам национальной безопасности России и подрывал международную стабильность. Но это не мешает Макфолу делать однозначные выводы: «Действие или бездействие США на протяжении двух истекших десятилетий не могут объяснить нынешнюю напряжённость в отношениях с Россией по одной причине – “перезагрузки” в 2009–2012 гг., которая способствовала успешному сотрудничеству между Россией и США. Причём это имело место *после* трёх раундов расширения НАТО в Восточной Европе, *после* возглавляемых США интервенций в Сербии и Югославии (1999 и 2003) и *после* цветных революций в таких бывших советских

республиках, как Грузия (2003), Украина (2004), Киргизия (2005)» [14, p. 170–171].

Однако Макфол упустил из виду тот важнейший факт, что «перезагрузка» была инициативой американской стороны, признанием, что без взаимодействия с Россией США не могли решить важные для них вопросы международной безопасности – это ядерная программа Ирана, борьба с талибами в Афганистане и др. Хотя политика «перезагрузки» дала известные положительные результаты, она не являла собой какой-то тщательно продуманной стратегии администрации Обамы. К исходу 2012 г. «перезагрузка» исчерпала себя, а новой повестки дня выработать не удалось. Хотя на саммите в Бухаресте в апреле 2008 г. Грузия и Украина не получили Плана подготовки к членству, но в декларации саммита было чётко зафиксировано, что обе страны «обязательно станут членами НАТО». Напомним, что Россия воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюциям 1970 и 1973, в которых речь шла о принятии «любых мер» для защиты мирного населения Ливии. Но страны НАТО вместо этого провели очередную операцию смены режима. Каддафи осенью 2011 г. был убит, что усилило недоверие России к НАТО и стало причиной того, что премьер В. Путин посчитал необходимым вернуться на пост президента России в целях более адекватного отстаивания интересов страны на мировой арене.

Это вызывало явную настороженность в Белом доме, который делал ставку на «либерального» Д. Медведева и надеялся на его переизбрание. Опытный политик Р. Гейтс пришёл к выводу, что в случае с Ливией «русские чувствовали, что с ними обошлись как с простаками, которых вначале поманили приманкой, а потом нанесли удар кнутом. Америке придётся приложить дьявольские усилия, чтобы подвигнуть Россию к сотрудничеству в следующий раз» [3].

И уж никак не вяжется с «демонизацией» Путина тот факт, что в 2012–2015 гг. сотрудничество между двумя странами продолжалось, несмотря на кризис. Сохранилась масштабная сделка между «Роснефтью» и «Экссон–Мобил», проходили отдельные встречи рабочих групп в рамках Совместной президентской комиссии. ФСБ России оказала поддержку расследованию теракта, совершённого 15 апреля 2013 г. братьями Царнаевыми в Бостоне. Летом 2015 г. было подписано соглашение о мирном характере иранской ядерной программы, переговоры о котором в рамках «шестёрки» длились многие годы и в позитивном исходе которых Россия сыграла огромную роль, за что её благодарили и Б. Обама, и Дж. Керри. И нельзя не сказать о сотрудничестве двух стран в ликвидации запасов химического оружия в Сирии. Это стало одним из факторов, предотвративших военный удар по ней, который собирался нанести президент Обама. Это, бесспорно, имело бы серьёзные негативные последствия для всей ситуации на Ближнем Востоке и для интересов США в регионе.

Политика «неосдерживания России»: её основные цели и содержание

М. Макфол, С. Сестанович, Р. Гейтс, Х. Клинтон, А. Смит и ряд других деятелей являются и основными разработчиками нового курса США в отношении России – концепции «избирательного сдерживания» и «избирательного взаимодействия». «Решение президента Путина аннексировать Крым, – обосновывает Макфол эту концепцию, – положило конец эре после холодной войны в Европе. Со времён Горбачёва – Рейгана эра эта определялась зигзагами

сотрудничества, споров между Россией и Западом, но всегда с подспудным пониманием, что Россия постепенно присоединится к существующему международному порядку. Подобного рода ситуации больше нет. Характер новой эры определяется идеологическими столкновениями, возрождением националистических настроений и оккупацией территорий. Тем не менее, налицо важные отличия, и понимание этих отличий будет иметь критическое значение для успеха внешней политики США в предстоящие десятилетия» [10]. США не стремились к такой конфронтации, новая эра свалилась на них потому, что они не одержали полной победы в «холодной войне». Коммунизм пал, СССР распался, мощь России сократилась, но коллапс советской системы не привёл к плавному переходу к демократии и рыночным отношениям в России или её интеграции с Западом.

Сторонники концепции считают, что, как и в прошлом столетии, в Восточную Европу вернулась идеологическая борьба между автократией и демократией. Ввиду того, что демократические институты в России никогда не действовали в полную силу, такая борьба никогда полностью не прекращалась. Но сейчас демократические общества должны признать режим Путина таким, каким он является в действительности – автократией, и взять на вооружение интеллектуальную и политическую борьбу против этой системы с такой же настойчивостью, с какой она велась в прежние времена в Европе против антидемократических правительств. Кремль, как и ранее, имеет и намерения, и возможности «подрывать правительства и государства, используя военные, финансовые, медийные средства, а также секретные службы и энергетические ресурсы».

Охарактеризованные выше схожие моменты диктуют Америке необходимость выработки серьёзных политических действий. *Во-первых*, Украина должна добиться успехов в становлении демократии, рыночной экономики, в борьбе с коррупцией и в укреплении государственности. Другие уязвимые государства (Молдавия, Грузия) также должны предпринять срочные меры для укрепления своих позиций. *Во-вторых*, те государства, которые прочно стоят на стороне США и Запада, должны чувствовать себя уверенными и защищёнными. НАТО уже предприняла существенные усилия, но они должны быть подкреплены путём масштабного размещения военной техники в «прифронтовых государствах», большего числа учений и интеграции вооружённых сил, новых мер по снижению энергозависимости стран – членов НАТО от России. *В-третьих*, как и ранее, нынешний российский режим должен быть изолирован. Стратегия, направленная на изменение поведения Кремля путём взаимодействия, интеграции и соответствующей риторики, на данный момент завершилась, считают сторонники концепции. Отсюда – никакого возрождения «Большой восьмёрки», вступления в ОЭСР или переговоров по ПРО. Вместо этого необходимо сохранение санкций, в том числе против отдельных лиц и организаций, которые используются в качестве инструментов силовой политики Путина. Соответственно, лицам и компаниям, не связанным с правительством РФ, надо оказать поддержку, включая тех, кто стремится вывести активы из страны или эмигрировать. *И, наконец, последнее* – как США и их союзники сотрудничали с СССР в годы Второй мировой и «холодной войны», так могут сотрудничать и с Путиным в «сферах совпадения важных интересов». Но такое взаимодействие должно осуществляться как сугубо индивидуальное мероприятие, а не как средство вернуть Россию на путь соблюдения междуна-

родных норм и ценностей. Так видит подобного рода взаимодействие Путин – и Западу стоит поступать аналогичным образом.

Одновременно существует много отличий, которые, по мнению сторонников концепции, отделяют нынешнюю эру конфронтации в Европе от «холодной войны» или межвоенного периода. Большая их часть работает на пользу США, но некоторые из них мешают им проводить новую линию касательно России.

1. В отличие от коммунизма и даже фашизма, путинизм мало кого привлекает за пределами России. Даже в самой России смелые лидеры гражданского общества всё ещё отвергают автократию, войну и националистическую истерию, и оказались в состоянии мобилизовать десятки тысяч против российской интервенции на Украине, в то время как более крупная, но мирная часть общества будет критически размышлять о развитии этой новой эры.

2. Российская военная мощь – всего лишь тень советской. Новый глобальный конфликт невозможен, но российские военные всё ещё могут представлять угрозу для соседей России. Следовательно, последние должны укреплять свою оборону, а западноевропейским государствам и компаниям стоит прекратить оказывать помощь в военной модернизации России.

3. Ещё одно важное отличие – в прошлых конфронтациях не существовало сети Интернет. Большая открытость миру даёт россиянам возможность самим судить о ситуации внутри страны. Это мощный инструмент, который следует усиливать путём образовательных обменов, тесного диалога и расширения контактов между реальным российским частным сектором и его международными партнёрами.

Но сторонникам концепции «нового сдерживания России» приходится признавать существование двух важных отличий, которые ослабляют США в их защите своих позиций, в том числе и в сферах демократии и международного права. *Первое* – США не обладают таким же моральным авторитетом, как это имело место на протяжении XX столетия, в силу нарушения ими суверенитета и международного права в Ираке, Ливии, Афганистане. Чтобы одержать победу в новом конфликте, Соединённым Штатам нужно восстановить былую привлекательность американской модели. *Второе* – США вступили в длительный период сокращения вовлечённости в мировые дела, что после двух войн стало неизбежным. Однако есть опасность зайти в этом слишком далеко. Пока США уменьшают своё присутствие, Россия его наращивает. Руководству Конгресса и Белого дома следует подать совместный сигнал о готовности оставаться лидером свободного мира в этой новой борьбе.

Администрация Обамы, вместе с союзниками по НАТО и друзьями – членами ЕС, энергично отреагировала на присоединение Путиным Крыма и военное вовлечение на Востоке Украины. В своей речи в Таллине 2 сентября 2014 г. президент Обама назвал политику Путина «неприкрытым покушением на территориальную целостность Украины – суверенного и независимого государства Европы» [10]. Действия Путина, сказал он, «бросают вызов наиболее важным принципам международной системы: границы не могут меняться под дулом пистолета, государства имеют право определять своё будущее». Кроме того, они «подрывают международный порядок, при котором права людей и государств соблюдаются и не могут быть отобраны путём применения голых сил» [10].

Совместно с ЕС администрация Обамы приняла санкции в отношении десятков российских политиков, бизнесменов и компаний, в том числе и против руководителя администрации президента России, на что не пошёл в своё вре-

мя даже Рейган. Россию исключили из «Большой восьмёрки», чего не было сделано в ответ на вторжение России в Грузию в 2008 г. Западные лидеры заявили о готовности пойти на дополнительные санкции в случае «дальнейшего военного давления России на Украину».

Администрация Обамы, опять же в тесной координации с ЕС и МВФ, выделила миллиарды долларов в целях содействия реформам и реструктуризации украинской экономики. МВФ выделил 17,5 млрд. долл., а затем 40 млрд. долл. в течение четырёх лет. США, в свою очередь, добавили 1 млрд. долл. в качестве гаранта займов, а также десятки миллионов долларов гуманитарной помощи. Кроме того, Америка оказала Украине военную помощь, хотя пока не в виде поставок смертоносных видов оружия.

НАТО предприняла ряд энергичных шагов: вдвое увеличила численность Сил быстрого реагирования. Их сердцевина – Совместная бригада быстрой готовности, которая является своего рода передовым отрядом, может размещаться в течение 48 часов и в конечном счёте будет насчитывать около 5000 человек. Впервые НАТО также будет располагать ротационными силами в семи граничащих с Россией странах – членах НАТО. По словам натовских генералов, план чрезвычайных действий является самым крупным усилением коллективной обороны со времён окончания «холодной войны», когда программа была утверждена после саммита НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. Альянс также создаёт шесть новых командных центров в Восточной Европе с целью лучшей увязки местных военных сил с НАТО. Министерство обороны США рассматривает вопрос о размещении танков, бронетранспортёров и других тяжёлых вооружений в Восточной Европе.

Описанная выше стратегия, убеждены её сторонники, является всеохватывающей и верной, но необходимо сделать ещё больше. «Самое главное, – полагают сторонники неосдерживания, – чтобы администрация Обамы, следующий президент США и союзники Америки и дальше твёрдо отстаивали избранный курс. В координации с европейскими союзниками необходимо сохранять принятые санкции, пока Путин не изменит свою политику на Украине, включая, прежде всего, выполнение Минских соглашений, которые предусматривают немедленное прекращение огня, вывод войск и военной техники в буферную зону, проведение с течением времени выборов в Донецке и Луганске, восстановление Украиной контроля над своей границей с Россией на востоке». Необходимо и дальше помогать Украине и осуществлять принятые планы по укреплению НАТО. Следует также продолжать политику «избирательного взаимодействия» с правительством России в ситуациях совпадения интересов (таких как Иран, Сирия или Северная Корея).

Многие на Западе выражают озабоченность тем, что американские и европейские лидеры могут и не реализовать полностью выработанные ими же самими планы и задумки. В частности, ряд европейских политиков уже дают понять, что было бы целесообразно «вернуться к делам с Россией в прежнем духе». Намерения США, которые довольно трудно поддерживать с учётом сложности международных проблем, размываются. И некоторые уже говорят о том, что избранная политика не работает, а санкции не дают желаемых результатов; реформы на Украине терпят неудачу; члены НАТО не желают выделять дополнительные средства на оборону. А следовательно, пришло время менять принятый курс.

«Прошёл только год, – особо подчёркивают Макфол и Стоунер, – и ещё слишком рано оценивать эффективность новой американской политики. Сдерживание, в настоящее время рассматриваемое в качестве стратегической линии, не принесёт результата только спустя год после его принятия, да и даже десять лет спустя или несколько десятилетий спустя. Нынешняя политика США и Европы – избирательного сдерживания и избирательного взаимодействия – также потребует времени для получения искомым результатов. Путин избрал нынешний конфронтационный курс, особенно с учётом внутренней политической и экономической ситуации, которую он сам создал. Нам также необходимо следовать избранному курсу» [14, р. 186].

Вероятность новой «холодной войны» и её губительные последствия

Вопрос о том, могут ли российско-американские отношения скатиться к новому варианту «холодной войны», занимает важнейшее место в нынешних внешнеполитических дискуссиях в Вашингтоне. «Захват Россией Крыма, – пишет в этой связи профессор П. Сандерс, – и поддержка ею сепаратистов в восточных и юго-восточных районах Украины поднимают вопросы о будущем российско-американских отношений и об их последствиях для национальных интересов США. Возможно, первый из вопросов состоит в том, начали ли Вашингтон и Москва какую-то новую холодную войну и какие возникают в этой связи новые опасности для США и их союзников по НАТО. Недавняя военная акция России в Сирии – использование Москвой военной силы вдалеке от своих границ впервые за более чем 40 лет – в ещё большей мере усиливает эти озабоченности» [15, р. 2].

Свои соображения, притом наиболее обстоятельные, высказал известный специалист по России и Евразии, почётный профессор Колумбийского университета Р. Легволд*. Правда, он призывает проявлять известную осторожность при характеристике нынешней конфронтации между Россией и Западом как «новой холодной войны». В конце концов, настоящий кризис вряд ли сопоставим с глубиной и масштабностью противоборства, которое доминировало в международной системе второй половины XX столетия. И мнение, что Россия и Запад уже прочно оказались в кольце такого конфликта, может привести к тому, что политики возьмут на вооружение неверные и даже опасные стратегии. «И тем не менее, – всё же полагает Р. Легволд, – важно называть вещи своими именами. Резкое ухудшение отношений между Россией и Западом действительно можно назвать новой холодной войной. Суровая реальность состоит в том, что каким бы ни был исход кризиса на Украине, отношения России с Соединёнными Штатами и Европой не вернуться к формуле “бизнес как обычно”, как это было после войны России с Грузией. И хотя в течение первого срока администрации Обамы произошли известные положительные перемены, продвижения к следующей фазе не произошло... Теперь Россия и Запад – соперники» [9, р. 74–75].

По мнению американских специалистов, новая «холодная война», если она разразится, хотя и будет фундаментальным образом отличаться от предыду-

* Подробнее об этом см.: В.А. Кременюк. По поводу статьи Р. Легволда о новой «холодной войне» // США ❖ Канада. 2014. №12. С. 95–102.

щей, но будет носить исключительно разрушительный характер. В отличие от прошлой войны, она не будет охватывать всю глобальную систему. Мир более не биполярен, крупные регионы и такие ключевые игроки, как Китай и Индия, будут стремиться избегать участия в ней. Кроме того, новому конфликту не будет присуще соревнование одного «изма» с другим, и она вряд ли будет проходить в обстановке постоянной угрозы ядерного Армагеддона. Тем не менее, новая «холодная война» затронет почти все измерения существующей международной системы. И, наконец, в случае нарастания кризиса безопасности вероятность ядерной войны может быстро возродиться.

Для Москвы и Вашингтона, считает Р. Легволд, высшим приоритетом в такой ситуации должно стать сдерживание разразившегося конфликта, необходимость сделать его по возможности коротким. Для этого обеим сторонам надо тщательно изучить «уроки первоначальной холодной войны», в ходе которой два государства, несмотря на противоборство, оказались способными создать разного рода механизмы для снижения напряжённости и сдерживания рисков. К началу 1970-х годов лидеры США и СССР сочли целесообразным начать управлять противоборством и фокусироваться на сферах сотрудничества, особенно контроля над ядерными вооружениями. Сегодня же, когда лидеры в Москве и Вашингтоне движутся в другом направлении, им стоит остановиться и вспомнить, как наиболее мудрые из их предшественников решали вопросы в годы «холодной войны».

Р. Легволд выделяет и ключевые схожие черты: небывалый накал враждебности и политической риторики; взаимные обвинения в развязывании нынешней напряжённости; отсутствие ожиданий какой-либо существенной отдачи от развития отношений. Сотрудничество может иметь место в случае совпадения интересов по конкретным проблемам. Но ни одна из сторон не считает разумным сотрудничество по широкому кругу проблем с целью изменения природы отношений в целом и не намерена делать первые шаги в данном направлении. Кроме того, считает Легволд, в целях наказания Москвы администрация Обамы свела практически к нулю двустороннее взаимодействие, в том числе и в военной сфере, не говоря уже о многочисленных санкциях. Многие из принятых США мер наверняка останутся в силе и после завершения украинского кризиса, а те, которые могут быть отменены или смягчены, всё равно «оставят ржавый след».

Однако самая серьёзная опасность состоит в том, что как конфронтация по поводу безопасности в центре Европы являла эпицентр «большой холодной войны», так и возродившаяся неясность касательно стабильности в Центральной и Восточной Европе будет порождать новые вызовы и проблемы. Начиная с 1990-х годов расширение НАТО на большую часть Восточной Европы, включая страны Балтии, придвинуло политические и военные границы к территории бывшего Советского Союза. Расширение НАТО также трансформировало Белоруссию, Молдавию и Украину в новые «промежуточные территории», наподобие наследников Польши и частей Австро-Венгерской империи, за которые, с трагическими последствиями, вели борьбу великие державы в XIX и XX столетиях. «Сегодня, – предупреждает Легволд, – когда Москва укрепляет Западный военный округ – ключевой военный командный механизм, а НАТО вновь концентрирует свои усилия на России, военное противостояние из-за континентальной Европы, на ликвидацию которого ушло два десятилетия, может быстро возродиться на оконечностях Восточной Европы» [9, р. 77].

Правда, некоторые эксперты полагают, что хотя новая «холодная война» нежелательна, но современная Россия является только тенью угрозы, которую для США представлял Советский Союз. Америка располагает огромными экономическими и военными преимуществами над Россией. Кроме того, учитывая масштабы других вызовов, с которыми сталкивается Вашингтон, начиная с турбулентной ситуации на Ближнем Востоке и кончая растущей напряжённостью в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обострение отношений России с США и большинством стран Европы, сравнительно неопасно. Но сомнение в возможности или значимости длительной конфронтации было бы глубоко ошибочным. «Если, – пишет в этой связи Легволд, – США и Россия начнут подходить друг к другу в весьма враждебных категориях, конфликт негативно скажется на внешней политике обеих стран и отвлечёт внимание от каждого важного измерения международных отношений, а также внимание и ресурсы от крупных вызовов безопасности в начавшемся столетии» [9, р. 78].

В исследовании «Холодная война и новое противостояние», подготовленном в Центре национальных интересов им. Р. Никсона, рассмотрены семь отличий, которые свидетельствуют о том, что в случае длительного конфликта между Москвой и Вашингтоном всё может пойти не так, как полагают, поскольку некоторые отличия могут благоприятствовать США, некоторые – нет, а что-то одно может привести к обоюдным катастрофическим последствиям.

Главный фактор, работающий на США, – это огромная асимметрия в соотношении потенциалов двух стран. США и Россия больше не являются равносильными противниками. В исследовании подчёркивается, что Россия больше не может быть сверхдержавой, равной США. Объёмы американской экономики в 8 раз превышают экономику России, а военный бюджет США превышает в 7 раз бюджет российский. Больше того, несмотря на некоторые трудности, Америка сейчас является более сильным игроком на международной арене, чем во времена первой «холодной войны», обладая преимуществами в сфере технологий и мягкой силы, а также обширными запасами энергоносителей. Российская экономика погрузилась в состояние рецессии и столкнулась с утечкой капиталов. Россия просто не сможет выдержать длительной конфронтации с Западом так, как это смог сделать Советский Союз. И новая «холодная война» не затянется на 70 лет.

Второе преимущество для США – Россия пока не является привлекательной альтернативой идеологии, которая могла бы мобилизовать последователей в мире. Президент В. Путин активно защищает консервативные ценности от нападок либерального Запада, и это может вызвать симпатии ряда лидеров незападных стран, но какой-либо значимой поддержки позиция Путина не получила.

Однако ряд тенденций неблагоприятен для интересов США. В условиях глобализации, полагают многие американские политики и эксперты, Россия может воспользоваться новейшими технологиями в подрывных целях, например, совершать кибератаки, чтобы уравновесить свои силы с Америкой и Европой. Да и другие страны, и не обязательно крупные, могут играть роль своего рода «спойлеров» в ущерб интересам США. Характеристика России как «региональной державы», данная президентом Обамой, вовсе не обязательно свидетельствует о её слабости. У России нет глобальных и интересов и обязательств СССР, поэтому она может спокойно сконцентрировать свои усилия и ресурсы непосредственно на отношениях с соседними государствами. В то же

время Соединённым Штатам, как глобальной державе, приходится распределять свои ресурсы так, чтобы поддерживать баланс сил в АТР, на Ближнем Востоке, в Европе, Латинской Америке. Кроме того, большое значение имеет фактор времени и расстояний: российские войска, сосредоточенные в западных военных округах, находятся ближе к потенциальным зонам конфликтов в Центральной Европе, нежели большая часть военных, размещённых в Европе.

Важно иметь в виду, что у первой «холодной войны» были свои правила игры, а у второй их нет. Если США и Россия вступят в новую «холодную войну», то произойдёт откат не к 1985 г., а к 1945 г. Это повлечёт за собой новую череду проб и ошибок в процессе установления новых правил, только теперь в распоряжении двух государств есть тысячи ядерных боеголовок, кибероружие, беспилотники и высокоточные боеприпасы. И не стоит забывать о санкциях, их последствиях, энергетической зависимости и недовольных русскоязычных меньшинствах в соседних с Россией государствах.

Складывается и в корне отличная от прежних времен геополитическая ситуация в мире. Эпоха «холодной войны» являла собой период биполярного противостояния между СССР и США, в ходе которого многим странам пришлось неизбежно принимать чью-либо сторону. Соединённым Штатам в 1970–1980-х годах удалось собрать вокруг себя мощных союзников и партнёров – Европу, Японию и даже Китай. Если начнётся новая «холодная война», то Китай может поменяться ролями с СССР, тем более он начинает давить на США в экономическом и военном смыслах и имеет такой вес в мире, о котором советские лидеры не могли даже подумать. Что касается Европы, то она оказалась в некотором смысле в ловушке: хотя сердцем многие европейцы поддерживают нынешнюю жёсткую политику Вашингтона в отношении Москвы, но рано или поздно им придётся задуматься о её негативных последствиях в таком ключе, который был просто невыносим в годы «холодной войны».

Существует, однако, одно важное отличие, способное привести к катастрофическим последствиям, – ядерное оружие может сыграть совершенно иную роль. Идея взаимного гарантированного уничтожения предотвратила открытый военный конфликт между США и СССР в период «холодной войны». Соединённым Штатам удалось предотвратить советское вторжение через Фульдский коридор (Германия), несмотря на военное превосходство СССР, потому что советские главнокомандующие были уверены в том, что Вашингтон применит тактическое ядерное оружие для предотвращения прорыва. Попросту говоря, вопрос заключается в том, поверит ли Путин, что Обама (или его преемник) сделает то же самое в странах Балтии или других государствах Европы. Учитывая существенное превосходство Москвы в тактическом ядерном оружии, неверный ответ на этот вопрос может убедить российских лидеров в том, что нападение на слабых членов НАТО сойдёт им с рук, что и может привести к катастрофическим последствиям.

Именно это очень сильно беспокоит У. Перри и других здравомыслящих политиков в США. Россия начала вести «ядерную игру» с позиций слабости, имея в виду известные серьёзные трудности (экономические, демографические и др.). «Парадоксально, – отмечает У. Перри, – слабая Россия более, а не менее опасна. Легитимность Путина опирается в основном на экономическое благополучие России. Следовательно, слабая экономика угрожает режиму Путина. Если Путин окажется не способен решить экономические проблемы, он может отвлечь внимание путём разыгрывания националистической карты. Су-

дя по популярности его националистических лозунгов, это может быть вполне успешным. Однако опасность состоит в том, что он может переборщить со своей игрой и вступить в открытую войну, которую Россия наверняка проиграет, если русские не используют ядерное оружие, т.е. не пойдут на то, о чём говорят. И это мой первый ночной кошмар – ядерный». Всё это требует неотложного восстановления серьёзного политического диалога с Россией, ибо даже в годы «холодной войны» США вели активно такой диалог с СССР. Необходимо также провести публичные обсуждения в США масштабной дорогостоящей программы наращивания ядерного потенциала, в которую Америка постепенно втягивается. В такой же мере надо обсудить и опасности для США в случае возобновления ими ядерных испытаний. «Короче говоря, – подводит итог своим озабоченностям Перри, – нам следует предпринимать конкретные шаги, чтобы остановить наметившееся сползание к новой гонке ядерных вооружений и возобновлению ядерных испытаний» [17, р. 6-7]. Тем более что возможен военный конфликт и с КНР, который, будучи опасен сам по себе, может перерасти в ядерный, и это для Перри – «второй кошмар». Нельзя исключить и возможность ядерного конфликта между Индией и Пакистаном, на Корейском полуострове, а также ядерного терроризма.

Некоторые выводы и прогнозы

Анализ современных дискуссий в политических и научных кругах США по проблемам внешней политики, российско-американских отношений убедительно показывает, что в них преобладают сторонники неосдерживания России и избирательного взаимодействия с ней. В американском обществе нет какой-либо значительной силы, которая могла бы выдвинуть реалистическую повестку дня, нацеленную на восстановление нормальных рабочих отношений между двумя государствами. Будущее отношений рассматривается путём анализа нескольких вариантов их возможного развития: «функциональные отношения», «разделённый союз», «длительная конфронтация» [15]. Никаких обнадеживающих признаков не несёт и нынешняя президентская избирательная кампания в США, в ходе которой обсуждение вопросов отношений с Россией занимает заметное место. Из республиканских кандидатов только Д. Трамп выражает готовность к сотрудничеству с Россией, и прежде всего в продолжении борьбы против ИГИЛ в Сирии. Остальные говорят о России как о главном противнике в мире. Так, М. Рубио назвал президента В. Путина «гангстером», который понимает только «геополитическую мощь» [16, р. 60]. Одновременно он обвинил Россию в стремлении ослабить позиции США как самого крупного «геополитического игрока» в Ближневосточном регионе.

Что касается ведущего кандидата от Демократической партии Х. Клинтон, то она не скрывает, особенно в своих мемуарах, а теперь в выступлениях, что придерживается жёсткой позиции в отношении России, допуская при этом возможность ограниченного взаимодействия с ней по конкретным вопросам международной безопасности. Но некоторые её идеи, например установление бесполётной зоны над Сирией, не только запоздалые, но и опасные. Иными словами, кто бы ни стал новым президентом США, ожидать каких-то быстрых перемен к лучшему не приходится. Это относится и к отмене санкций против России. Если взять, к примеру, санкции, принятые после возвращения в Россию Крыма, то, как показывает исторический опыт, вопрос этот не на одно десятилетие. Заяв-

ление госсекретаря Дж. Керри о возможной отмене санкций в случае выполнения Минских соглашений следует воспринимать весьма скептически, поскольку за истекшее время прогресс в его реализации минимален. Поэтому глубоко прав известный американский политолог Д. Саймс, полагая, что «какие-то санкции при определённых обстоятельствах могут быть сняты или ослаблены, но об изменении фундаментальной политики в отношении России на данном этапе со стороны Обамы, как кажется, говорить трудно» [1, с. 206].

Тем не менее постепенно набирают силу и новые реальности в мире, которые уже начинают подталкивать Вашингтон к пониманию того, что дальнейшее нагнетание напряжённости в отношениях с Россией может обернуться нежелательными потерями для Америки. Во-первых, хотя российские экономика и финансы несут убытки от санкций Запада, но они не заставили Россию изменить внешнюю политику, в том числе и на украинском направлении. Во-вторых, «украинский проект» во всё большей мере становится обузой для Запада, да и попросту пробуксовывает. Масштабная война на Украине не в интересах даже США, поскольку может привести к расколу НАТО и к прямому военному конфликту с Россией. В-третьих, террористическая опасность со стороны ИГИЛ в мире нарастает, охватывая всё новые регионы, в том числе и Юго-Восточную Азию. Военное присутствие России, укрепление её позиций и авторитета на Ближнем Востоке – это свершившийся факт. Россия нарастила свою военную мощь и продемонстрировала политическую волю эту силу использовать. Наконец, Европа, а точнее – часть стран континента, приходят к выводу о желательности возвращения к нормальным отношениям с Россией.

Возобновление политического диалога с США на высоком и высшем уровнях, взаимодействие сторон в поисках политического урегулирования сирийского конфликта, в том числе и в рамках Совета Безопасности ООН, привели к некоторому торможению конфронтации. Возможно, удалось пройти пик нынешнего кризиса между Россией и США, Западом в целом. Но для того, чтобы переломить к лучшему негативную тенденцию, нужны масштабные взаимные усилия по целому ряду ключевых вопросов двусторонних отношений и международной безопасности, нужны время и стратегическое терпение.

Список литературы

1. *Саймс Д.* Путин и Запад. Не учите Россию жить! ООО «ТД Алгоритм», 2015. 260 с. [*Simes D.* Putin and the West. Algorithm, 2015. 260 p.].
2. *Саква Р.* Новый атлантизм: Куда привел НАТО «кризис жанра» // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь – октябрь 2015 [*Sakwa R.* The New Atlanticism // Russia in Global Affairs. 2015. No. 5].
3. *Baker P.* US-Russian ties Still Fall Short of “Reset” Goal // The New York Times. September 2, 2013.
4. *Conley H.* Russian Strategy and Military Operations. Statement before Senate Armed Service Committee. October 8, 2015.
5. *Daalder I., Flournoy M.* Preserving Ukraine's Independence, Resisting Russian Aggression: What the United States and NATO Must Do. Atlantic Council Report. February 2015.
6. *Gates R.* Putin's Challenge to the West // The Wall Street Journal. March 22, 2014.
7. *Herrera Y., Kydd A., Lukyanow F.* The U.S. and Russian Interventions in Syria. Room for Cooperation or Prelude to Greater Conflict? // Working Group Paper. December 2015.
8. *Kissinger H.* A Path Out of the Middle East Collapse // The Wall Street Journal. October 16, 2015.

9. *Legvold R.* Managing the New Cold War. What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. July/August 2014. P. 74-84.
10. *McFaul M.* Confronting Putin's Russia // The New York Times. March 23, 2014.
11. *Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault //Foreign Affairs. September/October 2014.
12. *Sestanovich St.* Could it be otherwise? // Foreign Affairs. September/October 2015.
13. *Sestanovich St.* Has Russia Gone Rouge? Statement before Committee on Armed Services. October 8, 2015.
14. *Stoner K., McFaul M.* Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin // The Washington Quarterly. Summer 2015.
15. The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios. Paul J. Sanders, Editor. Center for the National Interests, 2015.
16. Transcript: Republican Presidential Debate // The New York Times, 11.11.2015.
17. *William J. Perry* on Nuclear War and Nuclear Terrorism // Bulletin of the Atomic Scientists. December 8, 2015.

Discussions in the USA About Relations with Russia: Analyzing the Past, Forecasting the Future

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No. 7, p. 35-52)

Received 09.03.2016.

PODLESNIY Pavel Terentievich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISCRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation (podlpavel@yandex.ru)

The article is focused on U.S. contemporary approaches towards the relations with Russia and the concept of neocontainment. The author analyzes possible impact of ongoing discussions, which take place during the current election campaign, on the Washington policy towards Russia in the coming years.

Keywords: *United States, Russia, the concept of new containment, the Cold War, U.S.-Russian Relations, the nuclear conflict.*

About the author:

PODLESNIY Pavel Terentievich, Candidate of Sciences (History), Head of the Center for U.S.-Russian Relations Studies.